

Рецензия на книгу /
Book Review

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)4

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ПЕРВОГО
ИДЕОЛОГА МОСКОВСКОГО ЦАРСТВА.
РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ДАНИИЛ,
МИТРОПОЛИТ МОСКОВСКИЙ.
СОЧИНЕНИЯ / ИССЛЕДОВАНИЕ,
ПОДГОТОВКА ТЕКСТОВ И ИЗДАНИЕ
Л.И. ЖУРОВОЙ. М.: Индрик, 2020. 848 с.

© 2021 г. Д.М. Буланин

*Институт русской литературы (Пушкинский
Дом) Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия*

Дата поступления статьи: 04 августа 2021 г.

Дата одобрения рецензентами: 03 сентября 2021 г.

Дата публикации: 25 декабря 2021 г.

<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-510-521>

*Исследование подготовлено при поддержке РНФ (проект 21-18-00527 «Литература
“переходных эпох” как инструмент модернизации социальных связей») в ИРЛИ РАН*

Аннотация: В рецензии анализируется первое научное издание сочинений, написанных митрополитом Даниилом (1522–1539 гг.). Он возглавил русскую церковь в период трансформации Московского княжества в Московское царство, претендовавшее на свое место в провиденциальной истории. Свяtitель хорошо известен историкам литературы как инициатор книжных мероприятий широкого масштаба, утверждавших сакральное достоинство Москвы в новой для нее функции «Третьего Рима». Собственные писания Даниила, дошедшие в виде четырех больших комплексов, реже привлекали внимание из-за их отвлеченного от современности содержания. Образцовое издание этих писаний, подготовленное Л.И. Журовой, и исследование истории их текста позволяют пересмотреть традиционную оценку данного раздела в наследии митрополита. В рецензии обращено внимание на литературные открытия Даниила, обогатившего русскую письменность новыми жанрами и новыми формами. Как выясняется, казавшиеся бесцветными сочинения митрополита находятся в тесной связи с его работой в роли идеолога Русского государства.

Ключевые слова: священное царство, эпистолярий, свод, послание, поучение, история текста, антология.

Информация об авторе: Дмитрий Михайлович Буланин — доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-2345-6789>

E-mail: dmitriibulanin@yandex.ru

Для цитирования: Буланин Д.М. Литературное наследие первого идеолога Московского царства. Рецензия на книгу: Даниил, митрополит Московский. Сочинения / Исследование, подготовка текстов и издание Л.И. Журовой. М.: Индрик, 2020. 848 с. // Studia Litterarum. 2021. Т. 6, № 4. С. 510–521. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-510-521>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 6, no. 4, 2021

LITERARY HERITAGE OF THE FIRST
IDEOLOGIST OF THE MOSCOW KINGDOM.
REVIEW OF: *DANIEL, METROPOLITAN OF
MOSCOW. WORKS*, ED. BY L.I. ZHUROVA.
MOSCOW, INDRIK PUBL., 2020. 848 p.

© 2021. Dmitry M. Bulanin

*Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the
Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia*

Received: August 04, 2021

Approved after reviewing: September 05, 2021

Date of publication: December 25, 2021

Acknowledgements: This study was supported by the Russian Science Foundation, project no 21-18-00527 “Literature of Transitory Periods as an Instrument of Modernizing Social Relations,” Institute of Russian Literature

Abstract: This review analyzes the first academic publication of the works written by Metropolitan Daniel (1522–1539). He was the head of Russian Church in the years when the Moscow principality was being transformed into the Moscow kingdom, which claimed its proper place in the providential history. The hierarch is well known to literary critics as the initiator of wide-scale book enterprises that proclaimed the symbolic dignity of Moscow in its new function of the “Third Rome.” Daniel’s own writings, concentrated in four large units, had little chance to attract attention because they neglected the problems relevant for his time. An exemplary publication of Daniel’s writings prepared by L.I. Zhurova as well as the text history of his writings makes it possible to revise the traditional estimation of this part in Daniel’s books heritage. The reviewer draws attention to the structural innovations made by Daniel who enriched Russian literature with new genres and new forms. As it turns out, the allegedly dull works of the Metropolitan are closely related to his work as an ideologist of the Russian state.

Keywords: sacred kingdom, ideology, epistolarium, codex, letter, homily, text history, anthology.

Information about the author: Dmitry M. Bulanin, DSc in Philology, Director of Research, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Makarova 4, 199034 St. Petersburg, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-2345-6789>

E-mail: dmitriibulanin@yandex.ru

For citation: Bulanin, D.M. “Literary Heritage of the First Ideologist of the Moscow Kingdom. Review of: *Daniel, Metropolitan of Moscow. Works*, ed. by L.I. Zhurova. Moscow, Indrik Publ., 2020, 848 p.” *Studia Litterarum*, vol. 6, no. 4, 2021, pp. 510–521. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-510-521>

Если кто-то возьмет на себя труд прочесть от первой до последней страницы сочинения митрополита Даниила, впервые собранные вместе Л.И. Журовой, кто-то несказанно удивится, что автора этих отвлеченных от времени и места сочинений мы назвали «идеологом». Действительно, перед историком московский митрополит предстает в четырех ипостасях, почти не соприкасающихся друг с другом. В первой ипостаси — это политик макиавеллиевского склада. Поставленный игуменом Волоколамского монастыря, по-видимому, вопреки желанию Иосифа Волоцкого, Даниил вскоре завоевал расположение великого князя Василия III и в 1522 г. занял митрополичий престол. Даниилу довелось возглавить русскую церковь в переломные для государства годы, когда Московскому княжеству предстояло трансформироваться в Московское царство, претендовавшее на собственное место в провиденциальной истории. Трансформация предполагала комплекс мероприятий в духе *Realpolitik*, от которых не мог остаться в стороне и духовный верховодитель Москвы. Ради интересов князя митрополиту не раз приходилось идти на сделки с совестью (разрешение на второй брак, пособничество в расправе с теми, кто нес реальную или потенциальную угрозу для трона). Во второй своей ипостаси, в качестве идеолога нарождающегося царства, Даниил выглядит более благопристойно. Символическую миссию Москвы как наследницы павшей Византийской империи требовалось продемонстрировать в серии атрибутов, какими, по понятиям того времени, надлежало обладать священному царству. В русских условиях искомые атрибуты понимались как имитация византийских или псевдовизантийских прецедентов с имперской начинкой. Литература была лучше всего приспособлена для нужд пропаганды. В русле идеологического строительства создаются

при Иване Грозном знаменитые «энциклопедические литературные предприятия», среди которых «Стоглав», «Домострой», «Лицевой летописный свод», и др. Однако работы в этом направлении начались еще при родителе Грозного царя, и организатором их, при некоторой пассивности Василия III, неизменно выступал митрополит Даниил. Ему нужно было поднять на целую ступень статус князя и управляемого им государства. Василия III то и дело именуют «царем», «самодержцем», в обращениях используют возвеличивающие его титулы («великий государь», «белый царь», и т. д.), при жизни князя и после кончины предпринимаются попытки его канонизации. Памятники письменности синтетического характера, к подготовке которых Даниил привлек книжников митрополичьего скриптория и Волоколамского монастыря, каждый по-своему вписывали Москву в «имперскую модель». Выделим, в особенности, Сводную Кормчую и «поправившую оплошности русской истории», резко тенденциозную Никоновскую летопись, потому что Даниил лично участвовал в работе над той и другой.

Остаются еще две ипостаси московского митрополита. Одна из них (третья по счету) являет изумленному взору читателя рафинированного интеллектуала, тонкого ценителя слова. Таким реконструируется образ митрополита в адресованном ему Послании Федора Карпова, который направлял свое сочинение «высокия книжности разуму уроженному святейшему господину Даниилу». Послание это — уникальный для русской литературы XVI в. памятник, он будто извлечен из эпистолярия западноевропейского гуманиста. Архитектоника письма соответствует риторическим канонам, автор пересыпает его латинизмами, рассуждая об устройстве общества, ссылается на «Никомахову этику» Аристотеля, возможно, привлекал и «Политику», вставляет в текст афоризмы из Овидия. В архиве Карпова, дошедшем до нас в виде скудных остатков [2], находились материалы для еще одного, несохранившегося послания, где Даниил выступал в этой же ипостаси. Материалы извлекаются из неосновательно приписанного Максиму Греку «Слова ответного Николаю латинянину». Как установили последние издатели Слова, оно представляет собой компиляцию из нескольких источников, указано и на переключку отдельных образов с теми, что находятся в Послании Даниилу [6, с. 373–386, 494–505]. Интереснее факты, в комментариях не отмеченные: в концовке Слова распознаются семантические кальки латинских слов, встречающиеся все в том же Послании и еще в дру-

гих посланиях Карпова («варварский» о стиле, ср. здесь же «малословие»; «трость» в значении *calamus*, «возмогай» в значении *vale*). В этом контексте надлежит читать необычный для московской литературы дифирамб Даниилу: «Егда изящнаго разума Христова закона доктора святаго митрополита многими сообщена художества узриши...». Никто, кроме Карпова, не догадался бы присвоить митрополиту заимствованную из католического мира ученую степень «доктора». Стало быть, ему принадлежит и весь дифирамб. Но неумеренные похвалы Карпова предназначались не реальному, а умозрительному получателю его посланий. Это становится очевидным, стоит только познакомиться с Даниилом в четвертой его ипостаси, каким он предстает в собственных писаниях — тех, научная публикация которых подготовлена Л.И. Журовой. Тексты написаны от лица инока и содержат наставления, соответствующие интересам иноков, независимо от того, в руки духовенства или мирян они попадут. Случай типичный, потому что в Московской Руси представителям любых сословий рекомендовалось жить по нормам монастырского устава. Писания предельно деконкретизированы, о том, кто был их автором, обычно можно узнать только из заголовка или преамбулы. Хуже того: когда статьи собраны в один комплект, имя выставлено только перед первым номером. Имена и приметы тех, к кому обращался автор, указывались столь же редко. Обезличенный текст, наполненный однообразными нравоучениями и нескончаемыми выписками из учителей церкви, производит удручающее впечатление на современного читателя.

Какая ипостась лучше отражает прототип? — Вопрос некорректный, ибо в средние века и труд писателя, и его поведение, как и поведение всех вообще людей, строго регламентировались. Даниил каждый раз следовал этикету сообразно ситуации, так что несходные ипостаси сходятся на одном и том же человеке (в случае с Посланием Карпова он оказывается не субъектом, а объектом стилизации). Значит, неверно было бы преувеличивать и его нравственный релятивизм, когда, например, митрополиту пеняют за то, что он одной рукой благословил второй брак князя, а другой включил в свой «Соборник» целых три слова, осуждающих развод с женой. Отметим, что на безнравственности Даниила акцентируют внимание люди, не понимавшие условности местных ритуалов или сознательно их игнорировавшие. Таков имперский посол Сигизмунд Герберштейн, оставивший в своих записках отталкивающий портрет двуличного митрополита, или Андрей Курбский,

для которого тот был «лютым и проклятым». Позднейшие поколения, более беспристрастные, чем современники, не касались темы аморального поведения святителя. Трудно поэтому согласиться с Л.И. Журовой, будто сочинения Даниила не получили широкого распространения в списках из-за соображений этического порядка [5, с. 153]. Читателя, судящего литературу прошлого по критериям культуры модерна, труды митрополита усыпляют своей монотонностью, хотя даже в традиционных пособиях по словесности неизменно отмечается живость некоторых сцен, какие писатель вкраплял в свои многословные увещевания (чаще всего цитируют Поучение, где автор обличает народные игрища), его мастерское владение стилистическими приемами (гирлянды синонимов).

Исследователя литературных древностей не могут удовлетворить анахронистические оценки. Только исторический подход к материалу позволяет определить роль митрополита в литературном процессе, что трудно было сделать до рассматриваемого издания его трудов. Наследие Даниила вошло в книгу в виде четырех комплексов, история текста которых и содержание раскрыты в развернутой вступительной статье Л.И. Журовой. Первый комплекс из четырнадцати посланий Даниила, известный в науке как «Сильвестровский» сборник, представлен в нескольких копиях. Второй комплекс, включающий послания, поучения и вырванные из окружения фрагменты, всего двадцать три текста, сохранился только в рукописи В.Г. Дружинина Российской национальной библиотеки, Q.I.1439. Третий комплекс, известный как «Соборник» Даниила, состоящий из слов-поучений, числом шестнадцать, читается в двух списках XVI в., а еще в серии поздних старообрядческих копий. Наконец, четвертый комплекс — это условно объединенные издателем, но распространявшиеся независимо друг от друга одиннадцать сочинений Даниила, разножанровые, в том числе приписанные ему в научной литературе без достаточных оснований; в рукописях у каждого сочинения из четвертого комплекса судьба сложилась по-своему. Даты написания произведений проставлялись в рукописях редко (Послание Дионисию Звенигородскому, «Окружное послание»), точно высчитать их по косвенным данным получается тоже плохо. Тем не менее по поводу большинства текстов из всех четырех комплексов можно утверждать, что они дошли в авторской редакции, и это придает наследию Даниила особенную ценность. В самом деле, «Сильвестровский» сборник посланий и «Со-

борник» имеются в прижизненных списках, а свод сочинений из второго комплекса — «Дружининского», как думают, собран был на основе архива, оставшегося от Даниила. Об отсутствии постороннего вмешательства в писания Даниила после их создания говорит и устойчивость их текста, многозначительный штрих, если учесть ослабленность синтагматических связей внутри отдельно взятого послания.

Для историка литературы труды митрополита интересны не содержанием, а прежде всего, по своим формальным признакам. В развитии литературных жанров, точнее, протожанров, автор этих трудов во многом оказывается первопроходцем, что можно назвать парадоксом в связи с присутствием в сочинениях Даниила структурной аморфностью. Чтобы понять новаторство Даниила, необходимо соотнести его сочинения с той степенью развития деловой и учительной письменности Древней Руси, какой она достигла в первой половине XVI в. В эту эпоху начался процесс обособления из общего корпуса книг отдельных текстов и памятников прикладного назначения, лишенных конфессиональной нагрузки, в то время как прежде Древняя Русь не знала внецерковной деловой письменности. Примерно тогда же на Руси появляются первые образцы литературного письма со следами личного взаимодействия между адресантом и адресатом, формы, отличной от бытовавшего раньше «апостольского послания», с трудом отделяемого от поучения [1, с. 173–216]. В свою очередь, поучение (иногда его ошибочно смешивают с проповедью, нововведением «боголюбцев», вошедшим в церковный обиход в XVII в.) расширяет теперь круг своих тем, композиция его делается более четкой. Все это пока существует только в виде тенденций. Поэтому для рассматриваемого периода характерны гибридные формы — нечто среднее между грамотой, официальным обращением, учительным посланием и поучением без спецификации адресата и аудитории, а иногда и без имени автора. О запросе на такие формы говорит тот факт, что, с минимальными вариациями, жанровые «бастарды» кочевали от автора к автору. Часто, слегка очищенные от конкретики, они собирались в так называемые формулярники, распространенные тогда в Московском государстве и принимавшие в свой состав тексты не только посланий, но и других жанров, лишь бы их можно было приспособить под шаблоны. При составлении собственного опуса, очередной книжник мог воспользоваться работой своего предшественника, обратившись к подобному сборнику об-

разцов. Формулярники — это литературные прописи, и самые знаменитые из них происходят как раз из родного монастыря Даниила, Волоколамского. Сборники такого типа он прекрасно знал, потому что при его участии получил окончательную форму главный для Московской Руси — Митрополитий формулярник.

Отличительной чертой текстов, включенных в формулярники, является не степень их очистки от оригинальных деталей (помещались и тексты в первоизданном облике, никак не препарированные), а признание их «общественным достоянием». Соответственно, имена авторов, которые задержались в некоторых формулярах, не могут быть уверенно использованы для атрибуции текстов этим именно авторам. В свете сказанного симптоматично, что из сочинений Даниила одно только Послание Дионисию известно одновременно в авторском (в сборниках) и в формулярном (в составе «Дружининского свода») вариантах. Получается, что послания Даниила собирались вместе не для того, чтобы служить набором эпистолярных образцов, а для того, чтобы донести до читателей в концентрированном виде мысли автора и цитируемых им учителей церкви. В этом отношении «Дружининский» свод менее показателен, потому что он был составлен из текстов митрополита, но без его руководящих указаний, почему и вообрал в себя, среди прочего, какие-то случайные обрывки или наброски (№ 2–5). Напротив, «Сильвестровский» свод, организованный самим сочинителем, позволяет думать, что составляющие его послания, за вычетом двух, где ясно указаны получатели (№ 1, 7), были изначально деперсонализированными. Мы видим не набор формулярных редакций, производных от реальных писем, а первую авторскую композицию из безадресных эпистолий. Мы назвали бы ее риторическим письмовником, если бы не сугубо учительное содержание посланий, образующих свод, крайне рыхлая структура каждой из четырнадцати глав, и редукция авторского начала, характерная и в целом для писательской позиции Даниила. Ясно лишь, что составителю важна была не столько безукоризненная обработка отдельно взятого послания, сколько впечатление от всей их суммы.

Сходная картина предстает в «Соборнике», где мы тоже наблюдаем довольно продуманную организацию книги как единого целого и одновременно чрезвычайно упрощенную, если не сказать примитивную схему построения отдельно взятого слова. Как убедительно показал издатель [5,

с. 126–135], все слова сборника, которым предпослано Предисловие, поглавная характеристика и Введение со стандартным набором авторской топики, расположены в определенной последовательности: сначала составитель касается задач, связанных с обличением лжеучений, потом обращается к важнейшим христианским догматам и обрядам, в специальном слове (слово 8) говорит о почитании властей, а дальше переходит к вопросам нравственного воспитания. Каждое слово построено по одному плану и состоит из трех частей: вначале разъясняется предмет обсуждения, потом приводятся «свидетельства» — выписки из авторитетных источников, подтверждающие выдвинутый в слове тезис, в конце находится «наказание», где, резюмируя находящиеся в «свидетельствах» высказывания, автор учит читателей от собственного имени. Если создание сборника собственных посланий явилось для русской средневековой литературы абсолютной новацией, то некоторые более ранние опыты циклизации сочинений, написанных в других формах, указать все-таки можно. Упомянем сборник слов Григория Цамблака или совокупность поучений митрополита Фотия, составивших «Книгу глаголемую Фотиос». Есть среди предшественников свода Даниила и такой памятник, на который митрополит сознательно проецировал собственный «Соборник», хотя нигде не обмолвился о своей интенции. Речь идет о «Просветителе» Иосифа Волоцкого, с которым «Соборник» соотнесен по количеству входящих в него слов. Правда, по всем другим критериям творение Даниила обнаруживает больше различий, чем сходных черт со своим знаменитым образцом: «Просветитель» более целенаправленный памятник, Иосиф Волоцкий занимается не так просвещением, как полемикой с еретиками, задачами которой продиктован выбор тем. Бросаются в глаза различия на структурном уровне. Хотя «Просветитель» тоже наполнен выдержками из широкого круга православной литературы, составитель обычно сопровождает цитаты собственными разъяснениями и комментариями. Не то видим у Даниила, который не смеет вторгаться со своим голосом в строгую шеренгу изречений христианских классиков. Этот аспект творчества Даниила заслуживает отдельного обсуждения.

Антологии стихов, сборники мудрых мыслей и метких изречений, далее — монтаж из чужих высказываний, построенные на них компиляции — все это появилось на свет одновременно с рождением письменности. Христианские писатели тоже не брезговали такого рода вторичной лите-

ратурой. Их труды служили сырьем и для славян, начиная с первых шагов новосозданной письменности. При этом компиляции не похожи одна на другую не только по составу использованных в них источников, но также по принципам изготовления и по целям, какие преследуют изготовители. В частности, болгарские книжники X в. имели обыкновение продуцировать «элементарные компиляции», когда исходный текст нарезался без всякой системы на короткие, не связанные между собой лоскутки, соединявшиеся потом в новых комбинациях [4]. Полагают, что такие пасьянсы являются своеобразными *joca monachorum*. Еще одним популярным вторичным жанром были катены или эротапокритические композиции. Примером может служить произведение, неточно называемое Посланием Климента Смолятича. Встречаются в рукописях и коллекции выписок из одного источника, которые делались писателем для последующей инкорпорации выписок в собственное сочинение. Таков был метод работы Максима Грека. «Свидетельства», сосредоточенные Даниилом во второй части слов его «Соборника», являются компиляцией совсем другого сорта. Поскольку образующие цепочку фрагменты, которые составитель признает «свидетельствами» по объявленной теме, никак между собой не скреплены, набор таких фрагментов правильнее назвать не компиляцией, а «антологией» или «хрестоматией». Как выясняется, книжное наследие Даниила в значительной степени состоит из подобных выборок, охватывающих весь спектр богословских премудростей. Помимо «Соборника», объем которого на три четверти заполняют эти «свидетельства», аналогичный парад авторитетов находим в судных списках Максима Грека и Вассиана Патрикеева, отражающих соборные прения, состоявшиеся в 1525 и 1531 гг. и проходившие под руководством митрополита. Существуют и текстуальные совпадения в «свидетельствах» между 5-м словом Даниила, с одной стороны, и судным списком Вассиана, с другой [5, с. 142–145]. По мнению А.А. Манохина, именно «свидетельства» из глав «Соборника» навели митрополита на мысль использовать подобные «антологии» в составленной им Сводной Кормчей, той редакции церковного кодекса, которая дальше всех других отстоит от эталона, заданного византийским Номоканоном [3]. Как считают, между родственными по темам и по набору текстов «антологиями» нет прямой зависимости. Они восходят к общему источнику, какому-то грандиозному «цитатнику» или нескольким «цитатникам», над комплектацией которых, по-видимому,

трудился целый штат подведомственных митрополиту секретарей [5, с. 137]. Тем самым «антологии» митрополита Даниила превращаются из индивидуального инструментария, аксессуара его творческой лаборатории, в факт государственного значения. «Великий цитатник» примыкает к «энциклопедическим предприятиям», работа над которыми, как было сказано, развернулась по инициативе Даниила. Связь между двумя ипостасями митрополита, из которых во второй он выступает как идеолог, оказалась более тесной, чем можно было думать раньше.

Стоит повторить, что наблюдения и выводы, которые мы сделали по поводу роли митрополита Даниила в развитии древнерусской литературы, были бы невозможны без издания, с большой любовью к предмету подготовленного Л.И. Журовой. Не приходится сомневаться, что оно даст толчок для дальнейших разработок памятников письменности, оставшихся от переходного периода в истории культуры Московской Руси.

Список литературы

Исследования

- 1 Буланин Д.М. Античные традиции в древнерусской литературе XI–XVI вв. München: Verlag Otto Sagner, 1991. 466 с.
- 2 Буланин Д.М. На пути к архиву Федора Карпова: Следы в Чудовом монастыре? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2021. Т. 18, № 1. С. 18–36. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2021.102>
- 3 Манохин А.А. Сводная Кормчая митрополита Даниила и «Соборник слов» // Вестник церковной истории. 2019. № 3/4. С. 316–346.
- 4 Veder W. Elementary Compilation in Slavic // *Cyrrillomethodianum*. 1981. Vol. 5. P. 49–66.

Источники

- 5 Даниил, митрополит Московский. Сочинения / исслед., подгот. текстов и изд. Л.И. Журовой. М.: Индрик, 2020. 848 с.
- 6 Преподобный Максим Грек. Сочинения / отв. ред. Н.В. Синецины. М.: Индрик, 2008. Т. 1. 568 с.

References

- 1 Bulanin, D.M. *Antichnye traditsii v drevnerusskoi literature XI–XVI vv.* [Ancient Traditions in Old Russian Literature of the 11th–16th Centuries]. München, Verlag Otto Sagner, 1991. 466 p. (In Russ.)
- 2 Bulanin, D.M. “Na puti k arkhivu Fedora Karpova: Sledy v Chudovom monastyre?” [“On the Way to Fedor Karpov’s Archive: Traces in the Chudov Monastery?”]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Iazyk i literatura*, vol. 18, no. 1, 2021, pp. 18–36. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2021.102> (In Russ.)
- 3 Manokhin, A.A. “Svodnaia Kormchaia mitropolita Daniila i ‘Sobornik slov’.” [“Consolidated Kormchaia of Metropolitan Daniel and Collection of Sermons”]. *Vestnik tserkovnoi istorii*, no. 3/4, 2019, pp. 316–346. (In Russ.)
- 4 Veder, William. “Elementary Compilation in Slavic.” *Cyrrillomethodianum*, vol. 5, 1981, pp. 49–66. (In English)